

Антон Алексеевич Феоктистов
магистрант филологического факультета
Белорусского государственного университета
Anton Feoktistov
Master's Student of the Faculty of Philology
of Belarusian State University
e-mail: tohsa01@gmail.com

БИНАРНОСТЬ И ТЕРНАРНОСТЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: СВЯЩЕННОЕ И СИМУЛЯКР В РОМАНЕ Е. Г. ВОДОЛАЗКИНА «ОПРАВДАНИЕ ОСТРОВА»

Рассматриваются социокультурные концепции Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, определяющих русскую культуру как бинарную, а также В. В. Колесова и А. Г. Дугина, трактующих ее в терминах тернарной градуальности. Взаимодействие данных моделей в едином теоретическом поле показано на примере универсума романа Е. Г. Водолазкина «Оправдание Острова». Описаны функционирующие в романе оппозиции «святое – греховное», коррелирующее с противопоставлением «реальное – имитация». Особое внимание уделено категории «китча», возникающей при рассмотрении специфики действия теории симулякра как «копии без оригинала» в контексте русского логоса. Эта категория выступает механизмом градуализации бинарных отношений между истиной и ложью, способствуя сохранению священного. Преодоление бинарной замкнутости и отчуждения личности в романе связывается с опытом православной веры. Таким образом, соотношение бинарности и тернарности определяется не объективными общественными процессами, а свободным личностным выбором.

Ключевые слова: бинарность, тернарность, симулякр, китч, «Оправдание Острова», православие.

Binary and Ternary Nature of Russian Culture: the Sacred and the Simulacrum in E. G. Vodolazkin's Novel «Justification of the Island»

The article examines the sociocultural concepts of Yu. M. Lotman and B. A. Uspensky, who define Russian culture as binary, as well as those of V. V. Kolesov and A. G. Dugin, who interpret it in terms of ternary gradation. The interaction of these models within a unified theoretical framework is illustrated through the universe of E. G. Vodolazkin's novel «The Justification of the Island». The study describes the oppositions functioning within the novel, such as sacred versus sinful, which correlate with the contrast between the real and the imitation. Special attention is given to the category of «kitsch», which arises when examining the specifics of the theory of simulacra as a «copy without an original» in the context of Russian logos. This category acts as a mechanism for the gradation of binary relationships between truth and falsehood, facilitating the preservation of the sacred. The overcoming of binary closure and the alienation of the individual in the novel is linked to the experience of Orthodox faith. Thus, the relationship between binarity and ternarity is determined not by objective social processes but by the free personal choice.

Key words: binarity, ternarity, simulacrum, kitsch, «Justification of the Island», Orthodoxy.

Введение

Ю. М. Лотман относит русскую культуру к бинарному типу, противопоставляя ее западноевропейской тернарности. Хрестоматийный пример такого разграничения – наличие представлений о чистилище только в католической традиции.

Как пишет Лотман, «тернарные структуры сохраняют определенные ценности предшествующего периода, перемещая их с периферии в центр системы. Напротив того, идеалом бинарных систем является полное уничтожение всего уже существующего как запятнанного неиспра-

вимыми пороками» [1, с. 258]. Строгая плюсовая разграниченность бинарной структуры приводит к тому, что новое мыслится «не как продолжение, а как эсхатологическая “мена всего”» [2, с. 5].

Опираясь на лингвистическую терминологию Н. С. Трубецкого, в схожем аспекте разрабатывают типологию культур В. В. Колесов и, дополняя его, А. Г. Дугин.

При изучении фонологических систем Н. С. Трубецкой использует категории привативности, градуальности и эквивалентности. Привативность указывает на наличие или отсутствие определенного

признака, один элемент в подобной системе специально маркирован (например, одушевленность и неодушевленность). Градуальные отношения предполагают постепенное «возрастание» (например, степени сравнения: быстрый – быстрее – самый быстрый). Наконец, при эквиполентных отношениях маркирован каждый член системы: у существительных в русском языке три рода, и никакой из них не получается путем отрицания другого [3].

Парадигму мышления языческих восточнославянских обществ В. В. Колесов связывает с эквиполентными отношениями, т. е. отношениями взаиморавенства. В рамках таких отношений отсутствует формально-логическое отрицание: минус, приставленный к сущности, не просто отрицает наличие признака, а формирует качественно новый. Развивая мысль В. В. Колесова, А. Г. Дугин пишет, что из пары «жизнь – смерть» получается «не просто смерть как отсутствие жизни, а какая-то другая жизнь, симметричная, отличная, но, самое главное, конкретная и бытийно нагруженная» [4, с. 13].

С принятием христианства исследователи связывают переход к доминированию градуальности как механизма мышления. Переход к такой онтологии Дугин отмечает еще у Платона: первичен мир идей (образцов), следом идет мир копий (икон), после же идет мир пространства (хоры/материи). Формируется иерархия, вертикаль, понятие первичности и вторичности, однако при этом вся система сохраняет отношения взаимосвязанности и взаимообусловленности. В христианской антропологии такая градация может быть описана как «Бог – человек – темные силы»: иерархия в таком случае как бы не имеет абсолютного характера, а зависит от системы координат, которой руководствуется определяющее лицо. Появившаяся необходимость свободного выбора, естественно, сопряжена с нарастанием угрозы сделать выбор, ведущий к негативным последствиям: «градуальность привносит нехватку, недостаток, привацию. Мир становится намного более проблематичным и тревожным» [4, с. 19].

Сознание Нового времени связывается в рамках рассматриваемой концепции с привативностью. Возникает условие чистой негации, чистого не-я, которое харак-

теризуется только лишь несоотнесенностью с я-первичным, в то время как его собственное, уникальное качество не рассматривается. Этот принцип хорошо выражает гносеология Канта с четким разделением на субъект и объект, концепция философа о вещах-в-себе, непознаваемых для стороннего субъекта. Как пишет Дугин, «привативность решает проблему Другого вполне оригинальным способом. В ней эта фигура лишается всякого содержания: и самостоятельного (как в эквиполентности), и относительного, по касательной (как в градуальности). Другой есть ничто» [4, с. 24].

Кажется, что социальные типологии Лотмана и Дугина вступают в конфликт. Если Лотман пишет, что основные культурные ценности русского Средневековья располагаются в привативном, «двуполосном ценностном поле» [2, с. 4], то Дугин помещает эту социальную парадигму в градуальную систему координат.

Цель данного исследования – согласовать представленные типологии в единую аналитическую систему с помощью рассмотрения универсума романа Е. Г. Водолазкина «Оправдание Острова» [5], где структурные и семантические особенности художественного мира демонстрируют возможность интеграции привативного, двуполосного ценностного поля с градуальной социальной системой координат.

Основная часть

Повествовательная структура романа представляет собой описание истории государства Остров от дохристианских времен и вплоть до современности. Такой большой диахронический срез вмещает в себя различные социальные парадигмы мышления. Главными героями романа являются праведные князя Парфений и Ксения, которые отличаются мистическим долгожительством: их возраст превышает 300 лет. Родившиеся в эпоху Средневековья, они сталкиваются с социальными переменами, рассматривают «новое» через призму «старого», и их комментарии перемежают страницы основной хроники.

По мере перехода общества Острова к секулярному этапу авторитет княжеской власти подвергается сомнению. В этих условиях Парфений и Ксения демонстрируют свою праведность: например, милуют нападавших на них революционеров [5, с. 153].

В этом контексте понятие «прогресса» получает негативную окраску. Парфений отмечает, что слово «прогресс» «на Острове появилось с первыми бомбами» [5, с. 155], а летописец Иларий, монах, носитель традиционалистского мировоззрения, разворачивающуюся историю характеризует как «всеобщую историю удаления от Христа» [5, с. 156].

Революция одерживает верх. Попытку радикального разрыва с прошлым характеризуют кошунственные переделки храма новым правительством: «В лето революционное шестое начали роспись Храма Светлого Будущего. В алтаре шла работа над фреской, изображавшей Председателя Острова» [5, с. 222]. Здесь сочетается, с одной стороны, стремление к радикальному разрыву с предшествующей традицией, с другой же – нельзя не заметить, как «новое» на самом деле эксплуатирует старые формы: категории священности не устраняются, а лишь получают иное наполнение.

Парфений и Ксения, отстраненные от власти, не погибают, но продолжают жить в коммунальной квартире. Общество оказывается охвачено страстями, приводящими к ужасам гражданской войны. В то же время князь сохраняют этическую цельность, верность своим духовным идеалам. Сохранение их жизни символизирует сохранение сакрального денотата даже в условиях борьбы с ним. Еще более эта мысль подтверждается, когда глава революционного правительства, оказавшись не в силах совладать с социальными проблемами, приходит просить помощи у князя: «Когда же Председатель напомнил присутствующим, что блаженны миротворцы, губы Парфения тронула улыбка» [5, с. 256]. Примечательно, что, комментируя этот эпизод, Ксения говорит: «Ни в чем новая власть не преуспела так, как в имитации» [5, с. 256].

Феномен имитации действительно важен при рассмотрении смены социальных парадигм и перемены внешнего облика глубинных инвариантных мифологических структур. Здесь получает отражение концепция симулякра как «копии без оригинала». Разрабатывая эту концепцию, Бодрийяр выделяет четыре стадии формирования симулякра: сначала образ изображает фундаментальную реальность, после

он начинает ее искажать, потом он уже маскирует отсутствие фундаментальной реальности, чтобы наконец прийти к симуляции в чистом виде [6, с. 12].

С православной точки зрения христианская онтология является фундаментальной реальностью, отступление от которой свидетельствует о постепенной симулякризации того или иного явления. Однако эта негация фундаментальности не происходит мгновенно, а производится путем постепенного искажения. Чтобы искажение было заметно, должны сохраниться и черты прошлого облика, потому «Храм Светлого Будущего» в государстве Остров называется храмом и сохраняются его внешние черты.

Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, характеризуя специфику русской культуры, указывают: «Связь с прошлым объективно наиболее резко ощущалась тогда, когда субъективно господствовала ориентация на полный с ним разрыв, и, напротив, ориентация на прошлое связывалась с вычеркиванием из памяти реальной традиции и обращением к химерическим конструктам прошлого» [2, с. 36]. «Химерические конструкции» здесь не что иное, как симулякры. Но такое «имитационное» отрицание прошлого, на наш взгляд, противоречит представлениям о бинарности русской культуры, склоняет чашу весов в пользу тернарности, тернарной градуальности.

В связи с этим интересна особенность интерпретации теории симулякра некоторыми русскими исследователями: они вводят дополнительную категорию «китча». Любовь Михайлова, рассматривая современный этико-эстетический дискурс, определяет китч как «особый регистр восприятия или вкуса, а также стиль выражения, определить принадлежность к которому можно только извне» [7, с. 172].

Н. Б. Маньковская пишет: «Переходным звеном между реальным объектом и симулякром (Орфография автора цитаты. – А. Ф.) является кич как бедное значениями клише, стереотип, псевдовещь» [8, с. 100].

Кроме того, А. Ю. Большакова, приводя слова М. Липовецкого, что «русский постмодернизм... это постмодернизм без постмодерности», добавляет, что «идеологическая функция течения, прикрывшегося западным термином, а на самом деле представляющего китч в модной упаковке,

выполнена – разрушение ценностей предшествующего периода состоялось и стало уходить в прошлое вместе с разбитыми “лакировочными” иллюзиями и восторгом разрушительной вседозволенности» [9, с. 17].

Вводимое третье звено добавляет градуальности теории симулякра, раскрывает градуальный тип отношений в системе «оригинал – китч – симулякр». Китч, хотя и укрытый «модной упаковкой», представляет собой диахроническое явление, лежащее за рамками моды. Это уже не объект-денотат, в его природе уже сделан шаг навстречу искажению, однако это еще и не симулякр, еще не копия без оригинала, потому как частица «оригинала» еще остается. Возврат к оригиналу еще может быть осуществим.

Примечательно высказывание на эту тему самого Е. Г. Водолазкина, но уже вне рамок художественного текста, а как эссеиста. Задаваясь вопросом о причинах столь радикального противостояния советской революционной власти православной церкви, он пишет: «События 1917 года – это великая революция против метафизики. Операция по замене метафизических ценностей физическими, материальными. Исчерпывающий ответ Нового времени средневековой Руси с ее чрезвычайным метафизическим напряжением. С точки зрения нынешней эпохи то и другое – полюса. Избыточное напряжение на одном из полюсов создает такое же напряжение на противоположном» [10, с. 169].

Так, бинарная оппозиция, описываемая Водолазкинским, образуется противостоянием идеализма и материализма. Рассмотрение данных систем как самостоятельных и самозамкнутых, несомненно, описывается категорией дуальности. Однако важно заметить, что никакая идеология не существует сама по себе: для ее осуществления в бытии необходим человек – третье звено цепи, которая из бинарной становится тернарной. Главным условием тернарности становится выбирающая воля. Равноправие каждого из многих полюсов эквиполентной языческой системы уничтожает ценность выбора, потому как любой выбор одинаков, не хуже и не лучше другого. Привативная система Нового времени, отвергая метафизическую сторону жизни, оставляет только один вариант, также отвергая выбор. Особое же

«метафизическое напряжение» сохраняется именно потому, что, с одной стороны, метафизическому придано высшее место в иерархии, с другой – признается сила иного полюса, способного отвести от духовного.

Финал романа также связан с проблемой двоичности и троичности. Древнее пророчество, сохранившееся на Острове, гласит, что для спасения государства потребуется, чтобы трое праведников зашли на Гору для разговора с Богом.

В летописи отмечается скептицизм, вызванный тем, что на Гору смогли пойти только Парфений и Ксения: «Иные говорят, что подобная беседа не могла состояться, поскольку-де праведников было только двое» [5, с. 403]. Однако получают на это находчивый ответ: «Но ведь сказано Спасителем: где двое или трое собраны во имя Мое, там я посреди них» [5, с. 403]. Человек, отвергающий Иисуса Христа, представляется здесь запертым в границы бинарности, и это связывается с пессимизмом – невозможностью спасения для Острова, а значит, и для каждого человека в отдельности. Бинарность опасна, потому что «чужое», не-я, может мыслиться как враждебное. И именно православная вера предстает в романе тем ключом, который открывает для человека двери тернарности.

Заключение

Сохранность православной традиции в современности позволяет говорить о том, что возможные искажения истины существуют в рамках китчевости, не доходя до степени симулякра. Чудесное противопоставляется в романе не-праведному, удаленному от метафизического полюса, быстро сменяющему одно другое.

Бинарность разворачивается в диахроническом противопоставлении, характеризует собой постоянное движение, присутствующее большим социальным системам. В то время как тернарность личностна, она является инвариантом, порой подверженным искажениям, но никогда не исчезающим полностью, ожидающим быть заново открытым во всей полноте.

Таким образом, роман «Оправдание Острова» изображает бинарный и тернарный модусы русской культуры как взаимодействующие, а не взаимоисключающие.

При этом бинарность, предполагающая тотальную негацию предшествующего,

не характерна для индивидуального уровня бытия. В романе путь сохранения идентичности человека лежит в сохранении са-

крального – фактора личной причастности к вечности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – М. : Гнозис : Прогресс, 1992. – 272 с.
2. Лотман, Ю. М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Труды по русской и славянской филологии. – Т. 28 : Литературоведение : сб. ст. – Тарту, 1977. – С. 3–36.
3. Трубецкой, Н. С. Избранные труды по филологии / Н. С. Трубецкой ; сост. В. А. Виноградова, В. П. Нерознака ; под общ. ред. Т. В. Гамкрелидзе [и др.]. – М. : Прогресс, 1987. – 560 с.
4. Дугин, А. Г. В поисках темного Логоса (философско-богословские очерки) / А. Г. Дугин. – М. : Академ. Проект, 2013. – 515 с.
5. Водолазкин, Е. Г. Оправдание Острова / Е. Г. Водолазкин. – М. : АСТ, 2023. – 416 с.
6. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. А. Качалова. – М. : ПОСТУМ, 2015. – 240 с.
7. Михайлова, Л. Китч, кэмп и кринж как агенты профанации / Л. Михайлова // Логос. – 2023. – № 33 (156). – С. 171–184.
8. Маньковская, Н. Б. «Париж со змеями» (Введение в эстетику постмодернизма) / Н. Б. Маньковская. – М. : Ин-философии РАН, 1995. – 220 с.
9. Большакова, А. Ю. Теория и современный литературный процесс в России: итоги первого десятилетия XXI века / А. Ю. Большакова // Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI вв. : сб. науч. ст. : в 2 ч. / под ред. С. Я. Гончаровой-Грабовской. – М. : РИВШ, 2010. – Ч. 1. – С. 11–16.
10. Водолазкин, Е. Г. Идти бестрепетно: между литературой и жизнью / Е. Г. Водолазкин. – М. : АСТ, 2020. – 409 с.

REFERENCES

1. Lotman, Yu. M. Kul'tura i vzryv / Yu. M. Lotman. – M. : Gnozis : Progress, 1992. – 272 s.
2. Lotman, Yu. M. Rol' dual'nykh modelei v dinamike russkoi kul'tury (do kontsa XVIII veka) / Yu. M. Lotman, B. A. Uspenskii // Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. – T. 28 : Literaturovedenie : sb. st. – Tartu, 1977. – S. 3–36.
3. Trubetskoi, N. S. Izbrannye trudy po filologii / N. S. Trubetskoi ; sost. V. A. Vinogradova, V. P. Neroznaka ; pod obshch. red. T. V. Gamkrelidze [i dr.]. – M. : Progress, 1987. – 560 s.
4. Dugin, A. G. V poiskakh temnogo Logosa (filosofsko-bogoslovskie ocherki) / A. G. Dugin. – M. : Akadem. Proekt, 2013. – 515 s.
5. Vodolazkin, E. G. Opravdanie Ostrova / E. G. Vodolazkin. – M. : AST, 2023. – 416 s.
6. Bodriiyyar, Zh. Simulyakry i simulyatsii / Zh. Bodriiyyar ; per. s fr. A. Kachalova. – M. : POSTUM, 2015. – 240 s.
7. Mikhailova, L. Kitch, kemp i krinzh kak agenty profanatsii / L. Mikhailova // Logos. – 2023. – № 33 (156). – S. 171–184.
8. Man'kovskaya, N. B. «Parizh so zmeyami» (Vvedenie v estetiku postmodernizma) / N. B. Man'kovskaya. – M. : In-t filosofii RAN, 1995. – 220 s.
9. Bol'shakova, A. Yu. Teoriya i sovremenniy literaturniy protsess v Rossii: itogi pervogo desyatiletia XXI veka / A. Yu. Bol'shakova // Russkaya i belorusskaya literatury na rubezhe XX–XXI vv. : sb. nauch. st. : v 2 ch. / pod red. S. Ya. Goncharovoi-Grabovskoi. – Mn. : RIVSh, 2010. – Ch. 1 – S. 11–16.
10. Vodolazkin, E. G. Idti bestrepetno: mezhdou literaturoi i zhizn'yu / E. G. Vodolazkin. – M. : AST, 2020. – 409 s.